

РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ В ЭПОХУ РАДИКАЛЬНЫХ РЕФОРМ

© 2012 г. В. А. Чуланов, О. В. Бондаренко

*Шахтинский институт (филиал)
Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*

В статье рассматривают проблемы и стратегии выживания российских семей в период радикальных перемен в стране.

Ключевые слова: семья; реформы; бедность; брак; развод; рождаемость; дети.

In the article authors consider actual problems and survival strategy of the Russian families in the periods of sweeping changes and reforms in the country.

Key words: family; reforms; poverty; marriage; divorce; birth rate; children.

Рассмотрим стратегии и способы адаптации к новой социально-экономической реальности конца XX в. – начала XXI в. российских семей. Это необходимо, чтобы уже на уровне семьи увидеть механизмы засасывания ее в состояние бедности и нищеты, а также то, как пытаются (если пытаются) они выйти из этого состояния.

Как отметил один из исследователей проблемы, вследствие неопределенности, нестабильности с любыми доходами «российские домохозяйства максимально диверсифицируют свою деятельность, чтобы иметь несколько независимых источников существования — здесь и продажа рабочей силы на рынке труда, и потребление социальных трансфертов, и активное использование возможностей домашней экономики, и помощь со стороны непосредственного окружения, и эксплуатация накопленных ресурсов семьи. Гибкость границ между различными способами выживания, возможности их комбинирования и диверсификации позволяют многим российским домохозяйствам на протяжении всего периода реформ избегать жесткой зависимости между размером текущих денежных доходов и уровнем материального благосостояния семьи в целом» [1]. Так ли это?

Анализу семейных стратегий показал следующее. Во-первых, неоднозначность роли их культурных ресурсов в преодолении бедности. Во-вторых, была выявлена тупико-

вость стратегий сохранения во что бы то ни стало статуса (невостребованного) специалиста с высшим образованием. Представляется, что это во многом связано с уже отмеченной установкой советской эпохи на низкую профессиональную мобильность, а также с неумением другими глазами посмотреть на свое нынешнее положение, слабую развитость социального мышления, позволяющего видеть реальные способы решения подобных жизненных проблем. Это можно объяснить и эффектом определенного шока от стремительных социальных перемен и необходимостью самостоятельно на первых порах (пока не заработала новая институциональная система) разбираться в слабо размеченном социальном пространстве и продвигаться в нем на свой страх и риск, обеспечивая интересы и потребности своих семей. В-третьих, установлена перспективность объединения профессиональных и культурных ресурсов членов семьи и превращения их в семейное «наследство». В-четвертых, отмечена основополагающая роль воли к преодолению бедности.

Ряд авторов предлагали следующие способы [2]:

— эскапистский, направленный на отказ от использования наличных ресурсов для адаптации к новым социально-экономическим условиям;

— негативный, ориентированный на по-

иск моделей и ресурсов в целях противостояния адаптационным процессам;

— пассивный, связанный с использованием имеющихся ресурсов по-старинке;

— мобилизационный, направленный на выработку новых моделей и мобилизацией наличных ресурсов;

— креативный, ориентированный на создание новых моделей и условий использования имеющихся ресурсов.

Представляется, что застойная бедность во многом была обусловлена доминированием эскапистского, негативного и пассивного способов использования наличных социально-экономических ресурсов в процессе адаптации к новой социально-экономической реальности.

Ряд исследователей обратил внимание на важность распределения ролей в бедных семьях в плане выбора эффективной стратегии выживания, элементами структуры которых выступают: распределение власти внутри семьи, различие мужского и женского вклада в семейные ресурсы, контроль над ними и принятие решений. (В социологии семьи существует три основных подхода к определению главы семьи: патриархальный, где главой является старший член семьи, обычно мужчина; экономический, где глава — основной кормилец и/или распоряжающийся семейными ресурсами; равноправный, предполагающий нечеткое определение главы).

Оказалось, что зачастую дезадаптация семей обусловлена следованием социальным стереотипам в распределении семейных ролей. Поэтому для успешных стратегий может быть характерно то, что «человек, который ответствен за расходование денег, не всегда тот, кто вносит наибольший вклад в семейный бюджет, и более того — не тот же самый, кто принимает решения, на что деньги должны быть потрачены с точки зрения стратегии развития домохозяйства» [3].

Качественное исследование, проведенное в 1999 г. в 104 домохозяйствах Москвы, Воронежа и Владикавказа, принесло интересные результаты: 1) незначительное доминирование мужчин над женщинами в роли главы семьи и кормильца семьи; 2) преимущественное возложение на женщину функции планирования семейного бюджета независимо от признания ее в качестве главы семьи;

3) гендерные различия стратегий в депривированных семьях: если женщина в роли главы семьи обычно идет на еще большие лишения в пользу семьи (преимущественно детей), то мужчина в такой роли, как правило, ориентирован на равномерное распределение депривации внутри семьи; женщина в отличие от мужчины как глава семьи проявляла обычно высокую активность в преодолении бедности при условии наличия детей.

Одним из важнейших аспектов стратегий выживания бедных семей являлся неформальный компонент, включающий, 1) неформальную занятость; 2) неформальный обмен помощью и услугами и 3) работу в домашнем хозяйстве для обеспечения основных потребностей семьи. Именно домашняя экономика, функционирующая на основе самообеспечения и взаимопомощи, выступает, по данным многочисленных исследований, тем альтернативным внутренним ресурсом, использование которого помогает выжить многим российским домохозяйствам.

Однако не все так просто. Дело в том, что, значительная часть нуждающихся семей не имела возможности использовать личные подсобные хозяйства по причине их отсутствия. Так, по данным обследования «Бедность в России», проведенного ВЦИОМ в 1997 г. в Санкт-Петербурге и Вязниках Владимирской области, лишь 11% питерцев и 39% вязничан рассчитывали на свое личное подсобное хозяйство. При этом в поддержании материальной обеспеченности помощь родственников и друзей оказалась у питерцев на первом месте (39% респондентов), а у вязничан — на втором после личного подсобного хозяйства (29%). Авторы данного обследования отмечали, что высокий ранг межсемейной солидарности в выживании российских домохозяйств выступает результатом «бедности общества и неэффективности социальной политики. С развитием общества тесное межсемейное общение и взаимопомощь могут уступить место большему индивидуализму и обособленности, как это произошло в большинстве стран Европы. Однако именно традиционность российского общества, остатки «общинности» образа жизни и в городах, и особенно в сельской местности помогают выжить в непростой ситуации переходного периода подавляющей части населения» [4].

Российские реформы конца XX века затронули все сферы жизни общества. Но наибольшие потери понесла русская семья. Упадок семейных ценностей в результате резких и неподготовленных политических, экономических и технологических изменений, прежде всего, сказался на рождаемости. Снижение рождаемости наблюдается во многих развитых странах. Упадок рождаемости демографы на Западе объясняют с экономических позиций: родители желают детей в той же степени, что и других экономических благ. Но дети в ряду экономических предпочтений занимают первые позиции. Для российских семей проблема рождаемости имеет иное содержание. Здесь на первое место, когда решается вопрос иметь и сколько детей, выходит вопрос стоимости ребенка. Набор составляющих стоимости ребенка для разных обществ может значительно различаться. Ф. Фукуяма в этот список включает: прямые расходы на пищу, одежду, жилище, образование детей и расходы непрямые — «упущенная выгода родителей, в особенности матерей, которые жертвуют временем и доходами на период воспитания ребенка» [5].

С точки зрения экономистов, наличие детей есть односторонний перевод средств от родителей к детям, и родители сравнивают и учитывают эти потери с другими видами затрат. Затраты российских семей на воспитание детей сейчас многократно возросли и намного обгоняют темпы роста благосостояния. В бедных семьях размеры и источники дохода сокращаются, тогда как возможности иметь хорошо оплачиваемую работу минимальны. Ее нет и для тех, кто получает школьные аттестаты и дипломы вузов. Чтобы дать хорошее образование ребенку, по оценкам специалистов, доходы русских семей должны вырасти в несколько раз.

Однако трудно установить, насколько взаимосвязаны два важных показателя, характеризующих состояние современной русской семьи — рождаемость и разводы. Но рост числа случаев расторжения браков в период трансформации по времени совпадает с падением рождаемости в русских семьях. Распад семей имел драматические последствия не только демографического и экономического характера, но и личностные, нравственные и правовые потери. Данные соответствующих

служб и результаты опроса семейных граждан шахтерских городов Восточного Донбасса выявили факты негативных тенденций в семейных отношениях.

Высокий уровень разводов, увеличивающееся число неполных семей, все большее распространение сожительства западные социологи называют «смертью семьи». И этот процесс напрямую связан с увеличением доли бедных в составе населения (численности «нижнего класса» по терминологии социологов Великобритании) [6].

В 1998 г. социально-демографические показатели крупного шахтерского города резко ухудшились. Ни до, ни после 1998 г. столь резкого падения рождаемости, расторжения браков и уменьшения числа граждан, вступающих в брачные отношения, не было. Только за один год количество заключенных браков снизилось на 11,5%, а число распавшихся семей возросло на 25,7%. По данным статистики и учреждений регистрации гражданского состояния, подобной «эпидемии» расторжения браков не было зарегистрировано ни в годы войны, ни в годы советского строя, ни в трудное время перестройки и начала российских реформ. Экономические катаклизмы 1998 г. острее всего отразились на состоянии российской семьи. Российская семья, судя по нашим данным, продолжает разрушаться. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в 2002 г. показатель разводов вырос на 170,2% по сравнению с данными 1997 г.

По нашим данным, рождаемость в 1998 г. практически осталась на уровне 1997 г. (+0,7%). Но в последующие два года количество новорожденных уменьшилось: в 1999 г. на 10,7%; в 2000 г. — на 10,2%. Лишь в 2002 г. число новорожденных превысило показатель 1997 г. на 1,1%.

Проблема воспроизводства российского населения конца 1990-х гг. в определенной степени было результатом массовой бедности, обнищания семей рабочих, служащих, крестьян. Падение рождаемости ведет к старению населения, нарушает социальную стабильность, поскольку старшие поколения уходят на пенсию и должны получать средства к существованию от постоянно уменьшающегося числа работающих. В Ростовской области уже в начале XXI в. один работник «содержал» четырех пенсионеров. Для семей

шахтерского города год финансово-экономического кризиса стал как бы стартовой чертой катастрофического распада русской семьи. Если за точку отсчета данной тенденции принять 1998 г., то имеем следующее: уже в 1999 г. разводов больше на 226; в 2000 г. — на 239; в 2001 г. — на 538; в 2002 г. — на 886. Таким образом, за четыре года, прошедшие после финансово-экономического кризиса, количество распавшихся семей увеличилось почти в 4 раза.

В тот же период (1997–1998 гг.) резко выросла смертность детей в возрасте до одного года. В среднем за год умерло на 152% больше против 1996 г. Только в 1999 г. данный показатель вышел на уровень 1996 г. и держится на этом уровне.

Ослабление родственных связей, рост разводов, снижение рождаемости как показатели упадка семьи в период кризиса были связаны с увеличением бедности российских граждан

Данные Всероссийской переписи населения показали, что число детей, родившихся вне брака, выросло за годы реформ с 14,6% от общего числа родившихся, составляя в 2002 г. уже почти треть. Данный рост «обеспечили» две категории женщин — 1) зрелые женщины, отчаявшиеся выйти замуж (нехватка мужчин для создания семьи составляет около 10 млн. чел., а если учитывать вредные наклонности последних, массовое распространение и пропаганда гомосексуализма, то эту цифру следует изменить в сторону увеличения), но стремящиеся испытать радость материнства; 2) юные девушки, часто подростки (число несовершеннолетних рожениц в те годы увеличилось почти на 30%), большинство которых либо не в состоянии в одиночку поднимать на ноги ребенка, либо оставляющие его в роддоме.

Число таких детей выросло за годы реформ в два раза и составляет 700 тыс. детей, 95% которых составляют так называемые социальные сироты — дети-сироты при живых родителях.

Важно количество неполных семей, в которых «главой» семьи являются преимущественно матери. Рост разводов сказывается, прежде всего, на благополучии детей. Растущие в таких условиях дети испытывают не только дефицит родительской любви и воспитания.

Каждая четвертая семья шахтерского города при прочих равных условиях испытывала большую долю социальных и экономических зол, чем семьи с двумя родителями. В таких семьях дети получают неполноценное образование, находятся в опасном окружении, чаще приобщаются к наркомании, алкоголю и т. п.

В бедных и неполных семьях дети чаще склонны к девиантному поведению. Рост девиации и преступности в молодежной среде обусловлен объективными и субъективными причинами. В какой степени этот процесс находится под контролем общества? Общественный контроль деятельности и поведения граждан, как правило, осуществляется, во-первых, стремлением государства посредством определенной политики добиться желаемых результатов. Второй способ общественного контроля — воздействие на социальные процессы средствами культуры — формальными и неформальными нормами и правилами (обычай, традиции, привычки).

Рост девиации в среде молодежи были результатом изменений в экономике, социальной сфере, в сфере производства и собственности, в идеологии и образе жизни людей. Драматические изменения претерпела и российская семья. Упадок семейных ценностей — лишь одно звено в цепи нравственных и социальных потерь нашего общества периода реформации. На смену традиционным нормам в семейных отношениях приходит эгоистическое стремление к материальному благополучию. В обществе экономической разрухи и политической нестабильности это приводит к резкой материальной поляризации и массовой бедности. Все имеет свою цену. Воспитание и содержание ребенка для малообеспеченных семей — задача почти неподъемная. Известно, что стоимость ребенка складывается из многих показателей. Это не только прямые расходы на одежду, пищу, жилище и образование, но и ограничение возможностей родителей больше зарабатывать, чтобы обеспечить семью. Данные опросов свидетельствуют, что каждый пятый родитель трудился на нескольких работах, а занятость составляет 10–12 часов. В результате многие матери вынуждены были ради заработка жертвовать воспитанием детей. При этом следует иметь в виду, что расходы на

детей (материальные и воспитательно-педагогические) по сравнению с дореформенным временем неизмеримо возросли. В советское время общество (в различных формах — общественных, публичных и частных) брало на себя многие функции по содержанию и воспитанию детей. Для семьи стоимость ребенка была значительно ниже. В благополучных странах семейные доходы увеличиваются, и затраты на современное образование, воспитание, получение профессии, как необходимые условия успешной карьеры и жизни, для большинства посильны. Российские семьи, и в этом состоит драматизм общества, в 1990-х гг. не имели выбора.

Нельзя недооценивать и биологические основания девиации. Родственные отношения служат не только определенным целям эволюции, но решают задачи социальные. Если с раннего возраста ребенок ощущает дефицит материнского общения, то в последующей жизни могут проявляться многие виды девиации. Разрыв с матерью в неблагополучных российских семьях как источник подростковой преступности занимает не последнее место. Дети требуют постоянного участия родителей в воспитании. Потеря работы одного из родителей или переход на низкооплачиваемую работу и, как следствие, рост материального затруднения семей, прямо сказываются на воспитании детей.

Реформы самым тяжелым образом отразились на положении городских монородительских семей. По данным экспертов, в 1999 г. насчитывалось 5,3 млн. таких семей, 98% которых состояли из матери и одного ребенка. Основными причинами их формирования были разводы, рост смертности мужчин в трудоспособном возрасте от неестественных

причин. Экономический статус таких семей был один из наиболее низких в России, так как в 1996 г. почти 40% находились ниже уровня бедности.

Исследователи проблемы особо указывают на то, что дети из таких семей почти гарантированно «наследуют» низкий социальный статус вследствие невысокого уровня образования и доходов, т. е. эти бедные семьи, по сути, выступают одним из элементов механизма воспроизводства бедности.

Это наша недалекая история, история глубокого кризиса общества и его «основания» российской семьи, которая выжила, победила. Но проблем еще много. А это уже другая история.

Литература

1. Дискин И. С. Аврамова Е. М. Адаптация населения и элит (институциональные предпосылки). // *Общественные науки и современность*. — 1997. — №1. — С. 27.
2. Давыдова Н. М. Глава семьи: распределение ролей и способ выживания. // *Общественные науки и современность*. — 2000. — №4. — С. 51.
3. Овчарова Л., Прокофьева Л. Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период. // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. — 2000. — №4. — С. 31.
4. Фукуяма Ф. Великий разрыв. — М., 2003. — С. 133.
5. Лоусон Т., Гэррод Дж. Социология. Словарь-справочник. — М., 2000. — С. 423.
6. Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Социальная защищенность монородительской семьи. // *Мир России*. — 2004. — №2.

Поступила в редакцию

30 октября 2012 г.

Василий Александрович Чуланов — доктор философских наук, профессор кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ), заслуженный работник высшей школы, почетный гражданин г. Шахты.

Автор многочисленных работ по проблемам социальной стратификации, социологии управления, проблемам бедности и неравенства в современной России.

Vasiliy Aleksandrovich Chulanov — Ph.D., Doctor of Philosophy, professor of «Humanitarian and social sciences» department of SRSTU (NPI) Shakhtinskiy branch, Higher education Honored member, freeman of Shakhty.

Author of numerous works, dedicated to problems of social stratification, sociology of management, poverty and inequality problems in nowadays Russia.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8636) 22-59-75; e-mail: gsn@itsinpi.ru

Ольга Васильевна Бондаренко — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Автор публикаций по социальной аксиологии, социологии труда и экономической социологии.

Olga Vasiliyevna Bondarenko — Ph.D., Doctor of Sociology, professor, head of «Humanities and Social Sciences» department of South-Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute) Shakhtinsky Institute (branch). Author of numerous publications in social axiology, sociology of labor and economic sociology.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8636) 22-59-75; e-mail: gsn@itsinpi.ru